

“Здоровья бы еще, хоть самую малость!”

Когда-то Марк Бернес пел о журавлином клине, и щемило сердце фронтовика, вспоминавшего не вернувшихся с войны товарищей, однополчан. Теперь уже не о том песня. Помнясь ее смысл. Она не о погибших, «с кровавых не вернувшихся полей», а о тех, кто остался, выжил - и прожил. Подошел к взгорочку, с которого как на ладони - журавли: клин в поднебесье с промежутком малым. «Быть может, это место для меня?» Теперь ветеранов можно по пальцам пересчитать. Иссушили фронтовиков болезни, придавила тяжесть прожитых лет.

...Когда донимают ноги, Николай Алексеевич ложится на кухню на любимый диванчик и укрывает их пледом. Рядом - во всю стену - окно, куда солнышко спозаранку заглядывает. Любит ветеран солнце. Оно для него как сигнал: только лучи просочатся через штору - вставай, старшина Щелкунов, жив ты еще, братец! На войне-то, говорит ветеран, солдаты свету белого не видели - небосвод в чаду и копоты, в сполохах от взрывов. Светопреставление!

- За что ее любить-то, войну проклятую! - сокрушается фронтовик. — Сколько людям горя и бед принесла! Скольких сиротами оставила! Это теперь - живи не хочу, ни в чем нет нужды. Здоровья бы еще, хоть самую малость, чтоб до 65-летия Победы продержаться!

Праздничный костюм у ветерана - весь в орденах и медалях. За подвиги ратные и трудовые. Самые дорогие - два ордена Славы (выше этих наград у солдата и не бывало), медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». С ними у Николая Алексеевича много воспоминаний связано.

В 41 -м году, его, 18-летнего паренька, призвали в армию в числе первых. Попал в горьковскую учебку, в танковый полк. Пригодились навыки сельского тракториста. Месяц учился на механика, командира машины - не нашей, отечественной, а американской «Валентины», поскольку своих, советских

Звонящая правда прошедшей войны от фронтовика Николая Щелкунова

танков, в начале войны еще не было. На «Валентине» попал и на Южный фронт. Там, под Харьковом, шли ожесточенные кровопролитные бои. Днепр приходилось

форсировать не единожды, причем всегда ночью. На сопках скопились военизированные вражеские части, которые обстрел вели почти круглосуточно.

- Однажды в очередном походе меня крепко ранило, - вспоминает Николай Алексеевич.

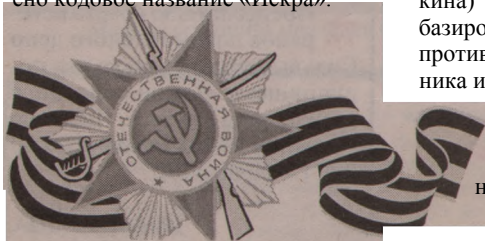
(Продолжение на 2-й стр.)

“Здоровья бы еще, хоть самую малость!”

(Начало на 1-й стр.)

- Не окажись рядом надежно-го товарища, который вытаскил меня, окровавленного и обгоревшего, из горящей машины, пиши пропало. Не помню, как переправили меня через Днепр на станцию Лозовая в госпиталь. И вот ведь как случается - погибшим меня все считали. Маме в деревню Большой Прислон (я оттуда родом) похоронку принесли. Лишь спустя четыре месяца я смог отправить ей письмо: дескать, жив-здоров, не горюй, не убивайся по мне. Вот за тот бой я и получил свою первую награду.

А потом был Ленинградский фронт. Николай Алексеевич Щелкунов - снова в строю, попал во вновь сформированную 64-ю танковую часть, оснащенную новенькими, только что сошедшими с конвейера, знаменитыми Т-тридцатьчетверками. На ленинградском направлении к тому времени для наших частей создавалась, наконец, благоприятная обстановка для нанесения мощного удара под Ленинградом, чтобы избавиться от блокады этот многострадальный город. Как позже узнал ветеран из книг, Жуков сам принимал непосредственное участие в разработке операции, которой было присвоено кодовое название «Искра».

В директиве того времени (теперь это уже не секрет) была сделана короткая запись, объясняющая суть операции: «Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка - Гайтолово - Московская Дубровка - Шлиссельбург и таким образом разбить осаду Ленинграда. К исходу января 1944 года операцию завершить».

- Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно - вели упорные бои, а наши войска двух фронтов пробивались навстречу друг другу, - рассказывает ветеран. - Наконец, соединились! Видели бы вы, как по-братски крепко солдаты обнимали друг друга, как радовались! На артобстрел противника никто и внимания не обращал. Это была воистину выстраданная радость!

После этих боев Николая Алексеевича перевели в отдельную разведдивизию, где требовались опытные, молодые и сильные бойцы. Назначили командиром взвода. Это была работа до пота, до изнеможения, на пределе человеческих сил. Однажды, вспоминает фронтовик, разведгруппа получила задание взять «языка» на Синявинских болотах.

- Тот край (возле города Пушкина) был занят немцами, и там базировались серьезные силы противника - танки, пушки, техника и боеприпасы. Нам предстояло обо всем этом разузнать. Шли через топь ночью, а под утро наткнулись на шалаш. Сунулись внутрь,

а там унтер-офицер во всей красе и рядом - один лишь солдат. Ну, конечно, цап-царап обоих и потащили волоком по кочкам да ухабам к дороге, где нас уже поджидал командир роты. «Язык» ценным оказался, все сведения из него командиры вытрясли...

Поскромничал, умолчал Николай Алексеевич о том, каким трудом достался ему этот пленный и что потом получил он за эту операцию свой второй орден Славы.

- Война заставила ценить нас преданность, товарищество, дружбу, - подводит итог Николай Алексеевич. - Научила главному в жизни - смелости и мужеству. Мы все страшное уже пережили, победили и теперь не собираемся сдаваться на милость болезням. «Поскрипим» еще, сколько сможем...

Ценности ветеранские воспоминания (хотя они по большей части обрывочны и ушли в забвение имена и фамилии) и сегодня отнюдь не теряют - в них заложена такая простая и звенящая правда! Самое малое, что мы можем сделать теперь для наших дорогих фронтовиков, - найти время выслушать, записать те крупицы событий, которые скоро станут историей. «Летит, летит по небу клин усталый». Еще не поздно извлечь из прошлого уроки. Не поздно поклониться низко в пояс всем тем, кому мы обязаны жизнью под мирным безоблачным небом. И пусть солнце почаще просвечивает через занавеску...

Антонина РОМАНЮК.

Фото автора.